

Как организовывать практические занятия с детьми

А. Домбровский

Вопрос далеко не праздный. Даже если ваше желание поделиться вновь приобретённым опытом и подвигнет вас на организацию практического занятия с детьми, количество возникающих практических проблем очень быстро остудит первый пыл.

Есть, впрочем, давно обкатанный и известный путь, когда пыл не остужается — его просто нет. Такими были, наверное, все лабораторные работы, которые мне приходилось самому проделывать за школьной партой. «Возьмите правую пробирку левой рукой и аккуратно долейте её содержимое в пробирку с номером два». Конечно, я утрирую, однако.

Была, правда, одна практическая работа, которая сильно врезалась в память. На уроке физики в 6 или 7 классе, в парте, а это были столы с глубокими ящиками, куда было легко засунуть обе руки, я разбирал капсуль от хлопушки. Каково же было удивление и моё и окружающих, когда раздался хлопок, и из парты повалило облако едкого хлопушечного дыма. Вторая попытка прошла не так удачно, как первая — капсуль сработал. К чести учительницы, надо сказать, что она лишь остановилась на несколько секунд, после чего урок продолжился. И лишь после урока я был вызван к учительскому столу для дачи объяснений.

1. Где учитель?

Предположим, что вы решились: не «берём вторую пробирку первой рукой», но как иначе?

Помните замечательный эпизод в фильме о Чапаеве, когда тот объясняет, где должен находиться командир? К сожалению, то, что засекает в памяти — это то, как он это объяснял, а вот сама диспозиция остаётся где-то на периферии.

Рискну предложить свой вариант.

Начало: надо заинтриговать, завертеть, охватить весь процесс от начала до конца, короче, надо начать. Здесь учитель впереди. Быстро и крупными мазками — помните, что основная масса подробностей связанных с субъективными открытиями — это лишь ваша радость и она абсолютно непонятна тем, кто стоит и смотрит, как их преподаватель восторженно болтает руками в грязной воде. Не делайте свою инструкцию слишком детальной: подробности губят вдохновение.

Есть, однако, важные моменты, связанные с организацией пространства и движением детей (как правило, наши школьные кабинеты предназначены для сидения, за исключением, конечно же, физкультурного зала) и непродуманная попытка создать движение 20, а то и 30 человек в пределах классного помещения может сорвать любой, даже самый блестящий замысел. Продумайте!

2.

Перед занятием учитель работает стратегом. Как расставить парты? Где есть электричество и где оно требуется? Как совместить одно с другим? Какие процессы удобнее осуществлять рядом, а какие отдельно? В ситуации с бумагой гидрораз-

бивка, разбавление, черпание и выкладывание на сукно уживаются рядом вполне благополучно, а вот глажение рядом лучше не помещать — одно место для воды, другое для её удаления. Отдельно хорошо бы предусмотреть место для готовой бумаги, и лучше, если оно не будет пересекаться с движением «водных потоков». Что надо выложить сразу, а с чем надо подождать до той поры, пока процесс не докатится до нужной точки, и где будет лежать то, что должно оказаться у вас под рукой в нужный момент? Какие из этапов займут больше времени, а какие меньше, как их сбалансировать так, чтобы в какой-то момент весь класс не оказался сгрудившимся вокруг одного единственного утюга?

3. Порядок против хаоса

Внешняя проблема практического занятия — это отсутствие порядка. Кто-то куда-то ходит, что-то льётся, может быть падает, разбивается. Понятно, что всего этого нет, когда нет практического занятия. Есть чинный порядок, все сидят, кто-то периодически поднимает руку... Однако, что отражает этот внешний порядок? Общую усталость и скуку — больше ничего. А беспорядок, возникающий на практическом занятии, отражает то, что есть в головах учеников. Есть там порядок — будет порядок и в действиях. Нет порядка — увы! Можно, конечно, имитировать порядок и продолжать посвящать ему основную часть школьной жизни, но наступит время, и внутренний хаос возьмёт своё.

4.

Я часто последнее время езжу на электричке мимо большой стройки. Строят кольцевую дорогу. Со стороны железной

дороги открывается непарадная сторона действия. Бульдозеры, увязшие в грязи, полурассыпанные связки труб, часть из которых уже начали заваливать отвалами из ям, копаемых рядом, нагромождение металлических конструкций, бесформенные островки бетона, застывшего там, где его бросил водитель бетономешалки.

Потом это всё будет выровнено, засыпано песочком, усажено деревьями. И, всё равно, сражение проиграно. Хаос оставлен потомкам. Хотите ли Вы участвовать в увеличении количества этого хаоса?

5. Археология окна

Может показаться, что в моих словах много преувеличения, неуместного пафоса. «Битва», «хаос». Но не с этим ли мы имеем дело в нашей повседневной жизни.

Однажды мне пришлось ремонтировать оконные рамы в детском доме. Это существенно, что в детском доме. Ведь, наверное, и строители, которые капитально ремонтировали в этом здании всё, включая окна, наверное, знали, что это детский дом (но, может быть, я и преувеличиваю — ремонтировали просто какой-то дом, для кого-то другого, явно не для себя).

Одна рама при попытке её открыть просто попыталась упасть на пол. Нет, она была прикреплена к переплёту петлями, но сами части рамы были заимствованы из какого-то другого места, где окно было явно больше. Ничтоже сумняшеся, мои предшественники обрезали старую раму и сколотили из неё новую. Естественно, что для открывания она оказалась совершенно непригодной. Хоть бы табличку повесили «Не открывать. Опасно!».

Другие рамы таили в себе свои секреты. На нескольких под слоем краски ока-

ПРИЁМЫ ОБУЧЕНИЯ

зывался слой бумаги. А потом снова краски. Видимо, ремонт происходил в спешке, поэтому некоторые рамы красили, забыв отодрать бумагу, оставшуюся после заклейки на зиму.

Надо сказать, что почти единственным положительным моментом было то, что все эти обстоятельства всплывали не все сразу, а по очереди (наверное, тут сказались моя неопытность). Иначе, несомненно, реакция была бы простой и однозначной: закрыть, запечатать и не трогать.

Наверняка, каждый, вселявшийся в новый дом, которые делали «не для себя», могут рассказать подобного рода истории. Но вся наша история, особенно история последних полутора десятков лет — это не то же самое окно, которое мы наивные решили открыть, чтобы вдохнуть свежего воздуха? А оно было сделано вовсе не для того. И ручки прикручены лишь для имитации окна. И не то же самое желание — захлопнуть, забить, запечатать возникает у нас в минуты отчаяния.

6.

Как подготовиться учителю к практическому занятию?

Как правило, подготовка сосредотачивается на вещах внешних. Расставить, упорядочить, организовать. Оно и понятно, внешнее — оно доступнее. Оно всегда под рукой. К тому же движением мы снимаем с себя психологическое напряжение

Однажды на семинаре я наблюдал за тем, как занятие организует датская преподавательница. Показывалась методика с использованием сока красной капусты. Кочан красной капусты, разделочная доска, нож, миксер. Учитель режет капусту на относительно небольшие кусочки и заправляет её в миксер. В этом нет ничего странного или необычного, конечно

же, кочан надо нарезать. Но разве не доводилось всем нам наблюдать (или даже делать самим), как в миксер заталкивается весь кочан, хотя понятно, что он туда не лезет. Размалывание — слишком много жидкости, и она расплескивается на столе около миксера. Дойти до тряпки, вытереть. Процедить жидкость через марлю в стакан. Отжать. И за всем этим нет суматохи, поспешности, так называемой экономии времени. «Да, что-то может разбрызгаться. Вытирание — это не бессмысленная потеря времени».

Перед занятием учительница медитировала — сосредотачивалась, концентрировалась на внутреннем. Не перебирала стаканы, не перебирала бумаги, не перебирала слова, которые нужно сказать. Всё это должно быть отброшено. Оно придёт само, если будет куда прийти.

Как говорит автор книги «Искусство меча»: тот кто сосредотачивается на противнике — проигрывает, тот кто сосредотачивается на мече — проигрывает, тот кто сосредотачивается на себе — проигрывает. Где же должно быть внимание? Нигде.

7.

Дети, надо сказать, до такой степени привыкают к мысли, что обучение — это сидение, что первое, что они ищут, войдя в классное помещение — это место, куда можно было бы сесть. Отчасти это, наверное, проблема психологического чувства защищённости. Сесть, сделаться меньше, удалиться от учителя... Но основная масса практических работ того рода, о которых рассказывается здесь, связана с движением. В этом, наверное, одна из скрытых ценностей такого рода деятельности. Учиться двигаться так, чтобы не мешать друг другу, учиться пребывать в про-

странстве, не забываясь в дальний угол. Может быть, сначала дети предпочтут сесть на стулья и надо им дать эту возможность, помня, однако, что как только они встанут и начнут двигаться, стулья будут мешать — должно быть место, куда стулья можно беспрепятственно отодвинуть.

8.

Отдельная проблема, которая возникает одновременно с движением — подводка электричества для приборов и устройств, которые этого требуют. Утюги, например, я стараюсь размещать на столе, который хотя бы короткой стороной был прислонен к стене. Так, чтобы провод удлинителя можно было пустить вдоль стены. Водяную баню и конструкцию для макания свечей мы обычно стараемся поместить так, чтобы к ней был подход со всех сторон — так удобнее организовать движение по кругу. Провод удлинителя идёт по полу. Это должен быть возможно более короткий отрезок. По краям провод лучше закрепить и закрыть сверху бумажным скотчем, прилепив его к полу.

9.

На одном из занятий с детьми из 5, кажется, класса, я обратил внимание на то, что для переходного возраста, когда мальчики начинают шаркать ногами (перестройка неравномерное развитие организма), такой способ лучше не использовать. Он явно не надёжен. Надо искать что-нибудь другое.

10.

Перечисление проблем ещё далеко от завершения, но уже сейчас видны контуры

другой проблемы. Если всё это надо продумать и решить, и всё это ради одного занятия — стоит ли игра свеч? (Опять вы ползают свечи. Что значит — игра не стоит свеч?)

Сейчас мы лишь обозначим этот вопрос, чтобы вернуться к нему позже.

11.

Ну вот, вы предусмотрели, что смогли, расставили, произнесли вдохновляющее введение, показали сами главные этапы процесса: где теперь должен находиться учитель, в чём его функция на этом этапе?

Первое с чем приходится столкнуться, и лучше это предвидеть заранее — это то, что большинство детей забыло, не поняло, перепутало те инструкции, которые вы давали. Сеточка с бумажной массой нежно, как в платок заворачивается в сукно (как вынули — бумагой сверху, так и завернули) и относится на стол для глажения. Парафин дымится и капает на пол... Когда вы готовите занятие, подумайте внимательно — каких событий вам определённо надо избежать, сделайте то, что возможно, чтобы они не наступили, выделите основные участки пространства, которые должны постоянно находиться в поле вашего зрения. Желательно, чтобы их было как можно меньше. И всё-таки всегда найдётся кто-то, кто будет действовать не так.

12.

Это «не так» всегда является серьёзным вызовом для учителя. «Объясняешь им, объясняешь...»

Хочу предложить вам несколько способов позитивного отношения к тому, что делают «не так».

ПРИЁМЫ ОБУЧЕНИЯ

Способ первый — вспомните, что кроме вас есть ещё много «учителей» в аудитории и главный учитель — это не вы, а материал с которым работает ученик. Это не ваш конфликт, не вашего объяснения с «его» непониманием, а «его» конфликт с его собственным непониманием. Непониманием не вас, а материала, с которым он работает. Пусть материал его и учит. То, что требуется от учителя — уж точно не злорадство: «А, вот не слушал, теперь ерунда получается», а смотреть и думать, «А почему возникает именно такой способ действий? Чем вызван механизм ошибки?» Довольно часто эти размышления приводят нас к неожиданным открытиям.

То, что может потребоваться — это ободрение, совет. Но не торопитесь с советами. Они точно не нужны раньше, чем появились вопросы. Может быть, совет лучше дать не вам, а тому, у кого только что получилось.

Способ второй — помните, что некоторые важные открытия совершались «по ошибке». Пусть он проглядит с сеточкой. А какой при этом получится отпечаток на бумаге?

Способ третий (на мой взгляд, самый важный) — старайтесь, сколько это можно, объединять учащихся в группы. Кто-то запомнил что-то одно, кто-то другое. Подправляя и поддерживая друг друга, дети и себя будут чувствовать гораздо увереннее и до цели доберутся вернее и по пути найдут больше интересного.

13.

Так или иначе, все способы, о которых идёт речь выше, связаны с отстранением. Учитель должен в этот момент отстраниться и, некоторым образом, наблюдать процесс со стороны. Такой переход, несо-

мненно, сложен. Только что объяснял, вовлекал, убеждал и «вдруг» убрал руки и отошёл в сторону. Но сравните это с ситуацией боя. Командир поднимает отряд в атаку, воодушевляет, взбадривает. Отряд поднялся и задача командира — не смотреть, кто как бежит, стреляет, колет, рубит, и уж тем более не подправлять на ходу, не давать ценных указаний. Стрела выпущена из лука. Её бессмысленно и бесполезно укорять в том, что она летит не так.

14.

Психологическая сторона проблемы заключается отчасти в том, что объективный конфликт — то сопротивление материала, которое должен преодолеть ученик, учитель часто переносит на самого себя, делая конфликт межличностным — между собой и учеником. «Я ему объясняю, Я — учу, а он...». Главной оппозицией становится противостояние Я учителя и личности ученика. Но, если вы пришли в школу для того, чтобы отстаивать своё Я, если вы настолько неуверенные в его безусловной ценности и уникальности, что вам требуется признание со стороны других через подчинение... возьмите отпуск, в конце концов, день за свой счёт, подумайте, что в действительности вы отстаиваете.

15.

Может быть, один из критериев того, что практическое занятие прошло успешно, заключается в том, учится ли сам учитель, использует ли он ту возможность, которую даёт ему ученик — вернуться в забытое незнание и вновь открыть, пережить переход к знанию. «Блин! Два стаканчика!»

16.

Ещё одним признаком качественности практического занятия наверняка можно считать невозможность поставить после него оценки. Ну? действительно, как вы будете оценивать: по размеру сделанного листа бумаги или по весу? Это как ребёночек — вы её вымакали, украсили, изогнули — свою свечку, а вам говорят, — «Фу, какой урод! Три».

Наоборот, очень часто учителю надо помогать детям принять творение собственных рук. «Как это у тебя так необычно получилось? А что, если добавить вот здесь ещё маленькую чёрточку». Помните, как Гадкий Утенок — сидел, сидел в пещерке у озерца и вдруг превратился в прекрасного лебедя. Часть правды этой истории, наверное, в том, что сначала должен быть гадкий утенок, чтобы потом появился белый лебедь. И гадкого утенка надо научиться любить.

198... какой-то год. Моему воспитательскому классу поручают сделать школьную радиопередачу. В те времена «поручили» однозначно значило «обязали» и 99 процентов энергии уходило на то, чтобы избежать навязанных заданий. С передачей случилось, иначе. Тема была определена как свободная, в воздухе уже начинало веять Перестройкой, и мы пустились в «проектное плавание». У меня дома на кассетный магнитофон «Весна» писались музыка, какие-то стихи, тексты, короче говоря, мы «химичили». Записи сводились, используя всю ту примитивную технику, которую мы могли найти по своим домам. Тема перестраивалась на ходу... сроки — поджимали.

В назначенный день и час передача была готова. Вспотевшие от волнения, затаив дрожь в руках, мы сидели в классе и слушали, как наша передача выходит в эфир. Что-то выходило в эфир. Было аб-

солютно ничего не разобрать. Просто ничего. Звуки были слышны, но понять что-либо, даже зная, о чём идёт речь, было чрезвычайно сложно. А уж если не знаешь, так и вовсе никак. Десять минут, транслировалась передача, десять минут рушился наш воздушный замок, наша мечта — школьная радиостанция, на которой мы будем делать регулярные передачи, где чётким голосом диктор будет рассказывать волнующие всю школу новости... — всё это НЕВОЗМОЖНО. Это просто никто не услышит, и не поймёт, и не узнает. Всё пропало. (В порядке некоторого пояснения-оправдания, надо сказать, что мы были первыми в школе, кто делал радиопередачу, и мы просто не подумали о том, чтобы проверить качество звучания).

В жизни всякого хорошего проекта должен быть момент, когда «всё пропало» (хотя, начиная каждый очередной проект, всё-таки хочется верить, что на этот раз ничего «такого» не произойдёт). Увы, «такое» непременно должно произойти, и можно даже сказать, что если краха не было, то, видимо, не было и проекта. То, что происходит в момент «краха» — это даруемая нам возможность прояснить сущность проекта: что мы, собственно говоря, делаем? Зачем? В чём заключается наша цель? Действительно ли нам надо, чтобы в школьных коридорах звучал голос ведущего, или это только средство для чего-то другого — для чего?

Продуктом тогдашнего «краха» стала школьная стенгазета. Мы записали все тексты на бумагу, добавили рисунков и фотографий, расположили на большом листе, склеенном из нескольких ватманов и написали крупными буквами «Наша жизнь № 1». Потом были № 2, 3..., мы выпускали газету на протяжении целого года, номер за номером, тема за темой. Потом из этого появилось литературное

ПРИЁМЫ ОБУЧЕНИЯ

кафе... а потом... много что было потом, и, наверное, было бы не правильно всё сводить к той неудачной (а, в сущности, удавшейся) радиопередаче.

17.

Есть, однако, обстоятельства, которые требуют контроля со стороны преподавателя. Один из способов решения проблемы контроля можно назвать динамическим перераспределением ответственности. Вы начинаете с личного осуществления какого-то этапа, но по ходу дела передаёте его в руки кому-то из учеников. В ситуации с маканием свечей, например, довольно большую неприятность составляет парафин, капающий на пол. Когда свеча вынимается из бака, парафин в течение нескольких секунд продолжает стекать вниз по её поверхности, пока, наконец, не застывает и не схватывается каплей (по этой причине, к слову сказать, к концу процесса макания на свече образуется снизу довольно большой нарост, в котором нет фитиля. Его можно обрезать ножницами, пока свеча тёплая). Дело нескольких секунд, но когда сзади напирает толпа желающих окунуться в парафин, каждый раз забываешь о том, что капли парафина нужно уронить в бак, а не на пол. Могу предложить два способа решения этой проблемы — технический и организационный. Организационный заключается в том, что место преподавателя должно быть прямо рядом с баком парафина, удерживая каждый раз руку учащего «ещё на одну секунду» над баком. Технический — это поставить прямо следом за баком с парафином ведро с холодной водой. Пусть её там будет немного, главное, чтобы было куда опустить и быстро охладить низ свечи.

Есть, конечно же, ещё много способов — включить ритмичную музыку, запеть вместе с классом песню, под которую будет удобно ходить небыстрым шагом — подумайте, какой способ «торможения» предпочтёте вы сами.

В ситуации с изготовлением бумаги, обычно я начинаю с того, что «стою на миксере», когда надо быстро создать задел бумажной массы для всех участников процесса. Чуть позже это дело можно передать кому-то из учащихся — в конце концов, кухонный комбайн тоже надо осваивать.

18.

Короче, на этом этапе самое важное — наблюдение за критическими точками, проталкивание заторов и недопущение действий, разрушающих процесс. Show must go on!

Через какое-то время вы чувствуете, что процесс стабилизировался, и это значит, что вам пора переключить внимание дальше — на проблему завершения.

«Всё, хватит, пора заканчивать!», — но кто-то ещё не успел доделать свой сокровенный замысел, а кто-то давно скучает и уже готов к тому, чтобы начать мешать другим.

Одна из особенностей фронтальных практических работ заключается в том, что все делают одно и то же. Да и вообще основная часть образовательного процесса ориентируется на то же самое — все вместе, все одно. Эдакая ежечасно практикуемая модель равенства. Равенства в подчинении.

Формирование стереотипа деятельности, которое при этом происходит, губительно для дальнейшей жизни в обществе, для жизни общества. Во взрослой жизни мы, как правило, работаем в груп-

пах, работаем над проектами и стремление к тому, чтобы все делали одно и то же — самый простой способ сгубить любое начинание. Почему же в школе мы поступаем иначе?

19.

Психологи говорят, что удачная группа должна состоять из личностей разного типа: делатели, которым не до обсуждений, они всё время пытаются начать; планировщики-администраторы, вносящие ясность и регламентирующие взаимодействие группы, но их умение администрировать способно всех заставить забыть о том, зачем же они собрались, кроме того, что нужно соблюдать регламент; размышлятели, которые постоянно погружены в рефлексию себя и деятельности всей группы, удерживая при этом вопрос «зачем?», но они, сами по себе, проведут всё время в размышлениях, так и не приступив к действию; примирители — они, по мнению некоторых, вообще ничего не делают, а лишь создают атмосферу, но с их уходом исчезает и радость взаимного общения, группа стремится к распаду. Эффективная группа — это группа, в которой различия её членов работают на цель. Нет различий — нет группы, есть толпа.

Образовательный процесс в классическом варианте таков, что всякие различия работают против цели. Может быть, пора поменять ориентиры и перестать стирать различия?

20.

Участники, вовлекаемые в процесс, неоднородны по своей мотивации. Кому-то действительно интересно, и он с увлече-

нием готов делать, делать и делать. Кто-то пришёл сюда по принуждению («Так надо», «Подруга пришла», «Так поступают все»). Кто-то выражает свою позицию в процессе активно, кто-то её маскирует. К каждой из таких подгрупп нужен, свой подход.

21.

Одно воспоминание, наверняка, знакомо каждому «порядочному троешнику». Начало урока. Опрос. Учитель открывает журнал и начинает медленно водить пальцем по списку.

Голова втягивается в плечи, глаза тупо читают фразу из наобум открытой страницы учебника «только не меня, только не меня»... учитель уверенно «считывает» послание, написанное на языке нашего тела и «заслуженная» двойка с лёгкостью становится украшением дневника.

Спустя много лет, когда мне уже перестало сниться в кошмарных снах, что завтра у меня экзамен по русскому языку, а правила напрочь забыты, я услышал историю о том, как набирают надзирателей в датские тюрьмы.

Желающих работать надзирателями приглашают на собеседование. Участники собираются в классе, входит преподаватель и объявляет, что сейчас состоится... соревнование на лучшее сольное исполнение песни. Кому-то сейчас предстоит выйти к доске и исполнить песню. Преподаватель начинает водить пальцем по списку: «Ну, кто у нас самый...?»

Датчане, хотя народ и более «певческий», однако, перспектива петь solo в незнакомой компании мало кому покажется привлекательной. То, что происходит в эти моменты — это подъём энергетического уровня. Преподаватель — человек тренированный и способен под-

ПРИЁМЫ ОБУЧЕНИЯ

нять уровень энергии до такого состояния, что среди участников возникает возмущение: кто-то встаёт, заявляет, что он пришёл сюда для серьёзного собеседования, а не для дурацких шуточек, и, хлопая дверью, выходит из класса. Тот, кто вышел — с ним можно и нужно работать дальше, он, вероятнее всего, стоит за дверью и переживает. То, чему ему следует научиться (и этому можно учить) — это умение переносить ситуации с высоким уровнем психологической напряжённости.

Наиболее неприятна другая, часто куда более многочисленная группа. В аудитории они никак не проявляются (если только втягивают головы в плечи). Но вот, наступает перерыв, все начинают двигаться с чашечками кофе в руках (а тестирование продолжается). «Ну, этот психолог, какой-то совсем...». «Да, я тоже думаю, что у них у самих тут что-то не в порядке». «Заспанные» критики начинают объединяться в группки. Это те, которых на работу не следует брать ни в коем случае. По крайней мере, на такую работу. Они никогда не будут говорить прямо о том, что им не нравится, под разными предлогами будут ускользать от всяческой инициативы, но из-за спины всё время будут вести разъедающие разговоры о том, что «у них тут у самих всё неправильно». Изменить такую жизненную позицию очень сложно.

22.

Энергия, которая накапливается в аудитории, не имеет никакого знака — ни «плюса», ни «минуса». Лишь своим действием (или бездействием) мы опрокидываем её в ту или иную сторону. Опрокинуть её в позитивную сторону — это сказать: «Ну, ладно, уж раз так нужно, давайте я спою».

При отборе тюремных надзирателей дело не доходит до того, чтобы участники действительно пели, но, случись петь в ситуации такого рода, песня получается захватывающей и волнующей. Энергия, скопившаяся в аудитории, выливается вместе со словами песни.

23.

Активное принятие или непринятие и пассивное принятие — непринятие ситуации. Дети приходят к нам омытые волнами родительского воспитания, загруженные социальными обстоятельствами в которых они живут: можем ли мы повлиять на их жизненную позицию — активную или пассивную. Ведь пассивная позиция, даже если это и принятие текущей ситуации, предполагает готовность делать всё то, что предложит учитель, который и будет отвечать за все последствия. Иначе это называется локусом ответственности, который может быть вовне, когда ответственность за то, что с нами происходит мы возлагаем на окружающих нас людей и обстоятельства, или же направлен внутрь, когда главный вопрос — что мне надо изменить в себе, что должен сделать я.

Агитация здесь явно неуместна. У пассивного отношения есть много аргументов, которые оно приведёт в свою пользу. Личный пример? Да, конечно, до известной степени. Но пассивность коварна. Она всегда ищет потаённый смысл в действиях других. А раз ищет, значит и находит. И всё же всё не так безнадежно. Мы не можем склонить, сагитировать, заставить, но мы можем помочь пережить счастье быть активным. Можем создать ситуацию, в которой это переживание состоится.

«Фу, какая гадость, — морщат носы девочки из пятого класса, глядя на вывали-

ваемую из миксера грязно серую бумажную массу. Даже носы начинают отворачивать, хоть запах этой бумаги точно не отличается от запаха бумаги глянцевых журналов, которые они любят и готовы целовать. «Это мы уже проходили, пусть поморщатся немножко». Проходит пятнадцать минут и те же самые девочки двумя руками ныряют в тазик, пытаясь зачерпнуть побольше той самой грязно-серой бумажной массы.

24.

С знаниями проще: сказал — спросил, повторил — ответили. С переживаниями так не получается. Ситуация создана, мы сделали всё, как смогли — наилучшим образом, но произойдёт ли переживание, состоится ли это сегодня — это не в нашем ведении. Наше дело всё подготовить.

25.

Всё, закончено, утюги выдернуты из розеток, бумажная масса вычерпана до дна: занятие закончено. Нет, вовсе нет. Закончен процесс делания, но весь процесс ещё не завершён.

У нас была какая-то идея, мы что-то спланировали, потом сделали и, для того, чтобы колесо обучения провернулось полностью, нам необходимо сделать последний шаг — оценить результаты, подвести итоги.

Наверное это звучит тяжело и грозно «Подведение итогов» — этаким разбор полётов. Где и что было неправильно, не так, неверно. Нет, дело обстоит не так. Не нужно сравнивать с каким-то идеалом или «правильным» способом (хотя идея сравниться с бумагоделательной машиной звучит занятно). Мы чего-то

хотели: что? То, что получилось — оно похоже? Мы как-то спланировали? Можем ли мы чему-то научиться? Сделать это чуть лучше в другой раз?

Словесные дискуссии, по моему опыту, как правило, всё-таки получаются тяжёловесными. Пока один подбирает слова для обозначения своей мысли, другой, уцепившись за первые два слова, выстраивает оборонительную линию возражений. Подведение итогов не должно быть длинным, но оно должно быть. В этом надо тренироваться.

Попробуйте без слов, нарисовав картинку, одним словом, телеграфным стилем... попробуйте.

26. Если с другом вышел в путь

Одна из ценностей практической деятельности в том, что она объединяет нас с другими людьми. Объединяет разделённой радостью активности.

Но, если вы хотите, чтобы эта ценность дошла до детей, значит, пора учиться самим. Учиться общаться с коллегами, вместе создавать пространство и среду, в которой будут жить дети. А у вас есть много общих проблем, вспомните перечисление контрольных вопросов на стр. ____.

Это, конечно, замечательно быть самому и сантехником и плотником и врачом, но для того, чтобы ими стать хоть чуть надо учиться у других. И эти другие всегда рядом. Какие — то идеи покажутся странными, что-то будет казаться поначалу вовсе неприемлемым. Если вы хотите сказать «нет», подумайте. Подумайте до тех пор, пока оно не превратится в «да». Может быть кто-то прав, кто-то — нет — монополии на истину нет ни у одного из нас. Истина — это то, что мы создаём. Давайте создавать добрую истину.

ПРИЁМЫ ОБУЧЕНИЯ

Януш Корчак, формулируя свой очень жёсткий императив: «Ребёнок имеет право на смерть» относится и к этой проблеме. Желание охранить, оградить, обезопасить не может служить основанием для лишения ребёнка свободы. Мы защищаем лишь иллюзии нашего собственного Я, подавляя личности других людей.

Есть народная мудрость, которая гласит: можно затащить лошадь (осла) в воду, но невозможно заставить её пить. Мудрость, видимо, не русская, поскольку у нас любимым национальным занятием является таскание друг друга в воду, под предлогом поения живительной влагой понимания. А уж учение в школе — так это вообще сплошной поход по воде.

Не знаю, как вы, господа читатели, но у меня даже в состоянии крайней жажды пропадает желание пить воду, если меня втаскивают туда насильно. Вся энергия и мысли уходят на сопротивление тому, кто тянет. А негативные эмоции распространяются и на тянущих и на то место, куда затягивают.

Напротив, то, чему мне действительно удалось научиться в школе, связано с позитивными эмоциями. Одно из таких умений — способность понимать и переводить английскую письменную и устную речь до сих пор составляет одну из основных статей доходов. И такая работа, хоть она и бывает временами тяжела, всё равно связана с удовольствием.

«Эх, не мытьём, так катанием», — побрякивают коневоды, полагая, что ценность того, что они предлагают заведомо оправдывает те средства, которыми они загоняют нас в свои воды. Между собой они частенько сетуют: «Какой нынче конь пошёл неблагодарный. Мы его в воду тащим, а он подлый пить не хочет». Отдельные группы коневодов даже обсуждают, не опоил ли коня какой-нибудь враг зельём, не напустил ли заговор.

Помню, как аргументировала свою позицию завуч в одной из школ: «Ну, конечно, дети его любят, им ведь чем хуже, тем лучше».

Может быть, после многих лет блуждания в дебрях реформы образования, плавно переросшей в модернизацию, следует признать, наконец, что проблема образования одна и называется она рабочей психологией, встроенной и воспитанной годами оценивания кнутом и пряником, и психология мула, которая провозглашает: «Если ты меня не порешь, я не работаю».

Традиционный аргумент защитников кнуто-пряничной системы воспитания, заключается в том, что без этого телега цивилизации, которую надо тащить дальше, остановится. Это отдельный вопрос — куда едет телега и едет ли вообще. Но даже если не подвергать сомнению ценность цивилизационной поездки, цивилизация, или «система», или «общество», или, как вы это хотите называть, наилучшим образом обслуживается не мулами, но свободными людьми.

В английском языке прянику соответствует морковка. Один знакомый датский преподаватель из народной школы шутил про своих взрослых студентов: «Сейчас я их буду пороть!.. Морковкой!» И впрямь, порка морковкой, наверняка не помешала бы многим из нас.

ПТ